

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-5-35-45
УДК 336.018(045)
JEL E52, E58, E59

Исходный аспект сущности денег с позиции российской школы экономической мысли

Ю.А. Кропин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-9478-9660>

АННОТАЦИЯ

Актуальность настоящей статьи обуславливаются кризисным состоянием денежно-банковской системы и необходимостью выявления путей выхода из него. Одна из причин такого состояния заключается в отсутствии понимания действительной сущности денег. В статье раскрывается позиция российской школы экономической мысли относительно исходного аспекта этой сущности, представляющей собой *предмет исследования* настоящей статьи, правильное понимание которой проливает свет на имманентность эмиссионной функции центрального банка в условиях современной денежной системы. В результате проведенного исследования *сделан вывод* о том, что названный аспект сущности денег представляет собой диалектическое единство их количественной и качественной определенностей. При этом подчеркивается, что в условиях современной денежной системы количественной определенностью денег является число денежных единиц, обозначенное не только на дензнаках, но и на всей совокупности законных носителей, а качественной определенностью денег выступает вещественное содержание рынка во всем многообразии его форм. Из такого диалектического понимания исходного аспекта сущности денег следует, например, что российские рубли должны позиционироваться как представители вещественного содержания российского рынка, а не как часть активов Банка России, которые состоят преимущественно из иностранных валютных средств стран, находящихся на грани утраты платежеспособности.

Ключевые слова: деньги; валюта; масштаб национальной денежной единицы; монетарное золото; эмиссионная функция центрального банка; чикагская школа монетаризма; российская школа экономической мысли

Для цитирования: Кропин Ю.А. Исходный аспект сущности денег с позиции российской школы экономической мысли. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(5):35-45. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-5-35-45

ORIGINAL PAPER

The Initial Aspect of the Essence of Money from the Position of the Russian School of Economic Thought

Y.A. Kropin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9478-9660>

ABSTRACT

The relevance of this article is determined by the crisis state of the monetary and banking system and, accordingly, the need to identify ways out of it. One of the reasons for this state is the lack of understanding of the real essence of money. The article reveals the position of the Russian school of economic thought regarding the initial aspect of this entity, which is the *subject* of this article, and the correct understanding of which sheds light on the question of the immanence of the Central Bank's issue function in the modern monetary system. As a result of the research, it is *concluded* that this aspect of the essence of money is a dialectical unity of their quantitative and qualitative certainty. It is emphasized that in the modern monetary system quantitative certainty of money is the number of currency units, marked not only on banknotes but also on the totality of the legitimate media, and qualitative certainty of the money here is real content market in all of its forms. From this dialectical understanding of the initial aspect of the essence of money, it follows, for example, that Russian rubles should be positioned as representatives of the material content of the Russian market, and

© Кропин Ю.А., 2020

not as representatives of the assets of the Bank of Russia, consisting mainly of foreign currency funds of countries that are on the verge of losing their solvency.

Keywords: money; currency; scale of the national monetary unit; monetary gold; Central Bank issue function; Chicago school of monetarism; Russian school of economic thought

For citation: Kropin Y.A. The initial aspect of the essence of money from the position of the Russian school of economic thought. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(5):35-45. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-5-35-45

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РАССМОТРЕНИИ ДЕНЕГ КАК ФЕНОМЕНА РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Российская школа экономической мысли противоположна по сути своего мировоззрения всем широко известным западным экономическим школам, которые, начиная от меркантилизма и заканчивая новомодными течениями неоллиберализма, возникали в атмосфере экономического материализма, зародившегося в эпоху Ренессанса. Особенностью этих школ является прагматизм в исследовании тех или иных объектов и предметов рыночной действительности, выражающийся в их поверхностных взглядах на рыночную действительность в ущерб анализу ее сущности. Практико-ориентированный характер западных экономических школ обусловил концентрацию их интеллектуальных усилий на выработке рекомендаций по обеспечению условий зарабатывания как можно большего объема денег, их оптимального распределения и рационального использования. Соответственно вопрос о сущности денег интересовал эти экономические школы меньше всего. Отсюда их определение такого важнейшего феномена рыночных отношений, как деньги, имеет не столько научный, сколько образный характер. Так, А. Смит называл деньги «великим колесом обращения» [1, с. 303]. Лауреат Нобелевской премии Ф. А. Хайек, говоря о том, что деньги «остаются вещью совершенно непостижимой» [2, с. 177], сравнивал их с сексом, который «в одно и то же время завораживает, приводит в недоумение и отталкивает» [2, с. 177]. Другой лауреат этой же премии ограничился замечанием о том, что «деньги имеют значение» [3, с. 23]. А К. Р. Макконнелл и С. Л. Брю — авторы наиболее известного в США и в нашей стране учебника «Экономика» — уместили всю сущность денег

в одно замечание: «Деньги — это то, что деньги делают» [4, с. 265]. Особняком в ряду западных концепций стоит, конечно, марксистская школа, исповедующая теорию трудовой стоимости. На первый взгляд, она отличается глубиной и широтой охвата вопросов, касающихся сущности денег. Однако в действительности, как показал проведенный анализ [5, с. 22–29], она искажает действительность, позиционируя деньги как «всеобщий эквивалент» [6, с. 104].

Отличие российской экономической школы от западных аналогов состоит в стремлении постичь именно суть вещей, причем взятых не каждой в отдельности самих по себе, а в рамках целостной системы. При этом следует подчеркнуть, что при рассмотрении данной школой как денег, так и многих других рыночных явлений и процессов, соблюдается принцип единства, целостности, применяемый ко всей системе мировоззрения, начиная от выяснения тайн мироздания, позиционирования места человека в мире, смысла его временного существования на этом свете и заканчивая выяснением сущности функционирования рынка, установлением целей регулирующей деятельности монетарных органов и т. д. Понятно, что в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все различия во взглядах российской и западных экономических школ. Наша задача ограничивается анализом только одного из аспектов сущности денег, а именно того, который был исходным и присущ деньгам в рамках современной денежной системы.

ИСХОДНЫЙ АСПЕКТ СУЩНОСТИ ДЕНЕГ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Одним из основополагающих принципов, используемых российской школой философско-экономической мысли при рассмотрении различных рыночных феноменов, в частности денег, является принцип единства, целостности,

в то время как для школ западной философско-экономической мысли таковым служит принцип разделения, обособленности. При установлении сути денег приверженцы меркантилизма, физиократии, английской школы политэкономии, марксизма, кейнсианской теории и т.д. придерживаются мнения о том, что деньги позиционируются как некий обособленный материальный субстрат, т.е. под деньгами подразумевается золото, количество которого противостоит товарной массе. И потому их интересовало определение необходимого количества монет — денег (золота), которое в качестве некой противоположности товарной массе должно ее уравнивать. Однако согласно теории российской школы экономической мысли постановка данного вопроса имеет надуманный характер, обуславливаемый тем, что западные экономические школы в рассмотрении генезиса денег упускают из поля зрения один их важный аспект, касающийся номинала монет, без учета которого невозможно правильное понимание сути денег как в рамках металлической, так и современной денежной системы.

При рассмотрении монетной денежной системы западные экономические школы еще со времен Аристотеля [7] обычно ограничиваются простой констатацией факта появления номинала, не придавая ему особого значения, различаясь только во взглядах на происхождение денег. Одни авторы разделяют положения рационалистической теории возникновения денег [8, с. 69], согласно которой деньги — это продукт соглашения между людьми, а другие — эволюционной концепции [9, с. 29], в соответствии с которой деньги никто специально не придумал, но из массы обиходных предметов постепенно начали выделяться объекты, выполняющие роль «всеобщего эквивалента». Российская же школа экономической мысли не противопоставляет эти две теории, а объединяет их, утверждая, что возникновение денег было обусловлено развитием одновременно как системы рыночных отношений, так и института государя-государства. Однако такое утверждение имеет самый общий характер. Конкретика же заключается в следующем.

Появление у монет номинала имело не случайный, а закономерный, объективно-обусловленный характер. Дело в том, что производство монет государем-государством означало несение им

определенных издержек, величину которых нельзя было установить посредством какого-либо количества золота. Определение величины издержек изделий из золота в количестве золота было бы своего рода тавтологией, т.е. необоснованным повторением одних и тех же слов. Очевидно, что, неся издержки по производству монет, государь-государство стремился (стремилось) не только их возместить, но и получить доход от монетарного производства. Однако получение дохода в виде золота при производстве изделий из золота, т.е. монет, невозможно было выразить в количестве золота. Учесть в структуре цены монет издержки, понесенные при их производстве, а также установить часть структуры цены, которая превышает издержки, понесенные при изготовлении монет (денег), можно было только посредством арифметического действия с использованием некоторых чисел. Именно необходимость учета всех структурных частей цены монет и обусловила появление у них номинала в виде определенного числа денежных единиц. Цена, будучи количественной величиной, выражается в определенных единицах измерения — *числе*. Соответственно цену монет, как некоторых изделий, произведенных государем-государством, можно было выразить именно в определенном числе, что объясняет появление у монет номинала¹.

Появление у монет номинала означало дифференциацию монет-денег на две составляющие — количественную и качественную. Экономисты, которые сосредотачивают внимание лишь на количественной определенности монет-денег, выступают сторонниками рационалистической теории возникновения денег, а экономисты, фокусирующие внимание только на качественной определенности монет-денег, являются сторонниками эволюционной теории возникновения денег. Российская же школа философско-эконо-

¹ Кстати сказать, одной из философско-математических школ, возникших и существовавших во времена появления в обращении исторически первых монет с указанием на них номинала, была пифагорейская школа, которая считала число «основным определением вещей» [10, с. 253], утверждая, что оно (число) выражает «сущность всех вещей» [11, с. 160, 162]. С появлением у монет номинала одну из сущностей товара — товарного продукта стало возможным выразить в том или ином числе денежных единиц, которое производитель-продавец желал получить за свой товар, а покупатель-потребитель готов был (мог) предложить за интересующий его товарный продукт.

мической мысли, руководствуясь принципом единства, выступает за то, чтобы позиционировать монеты-деньги как единство двух названных составляющих².

При этом она обращает внимание на то важное обстоятельство, что размер номинала, указываемый на монетах, всегда был значительно выше величины цены металла, из которого они производились. Это было обусловлено как наличием в структуре денежной цены монет той части, которая превышала издержки, понесенные при их изготовлении, и составляла основу дохода их производителя, так и тем, чтобы у рядовых участников рыночных отношений не возникало искушения (интереса) производить из монет какие-либо изделия или же просто переплавлять монеты в обычные слитки и продавать полученный металл с прибылью. Поэтому такое, часто используемое в экономической литературе понятие, как «полноценные деньги» [12, с. 57; 13, с. 174], является по сути необоснованным ввиду того, что величина цены металла, из которого производились монеты-деньги, всегда была ниже величины номинала, указываемого на них.

Крайне важно обратить внимание на тот факт, что с самого начала появления у монет-денег номинала выдерживалось строгое соответствие между величиной номинала и весом определенного качества золота, содержащегося в них. Это соотношение составляло *масштаб* денежной единицы. Изначально в каждой стране он устанавливался относительно произвольно; правда, в абсолютном большинстве стран он был все же менее одного грамма. Но как только этот масштаб был узаконен, во всех последующих партиях производимых монет он должен был строго выдерживаться.

² Часто к сторонникам эволюционного взгляда на происхождение денег относят К. Маркса. В действительности эволюционный взгляд на происхождение денег был характерен не для К. Маркса, а для многих интерпретаторов его теории. Свидетельством того, что К. Маркс не был сторонником эволюционного взгляда на происхождение денег, служит тот факт, что он в своих трудах не отметил ни одного особенного потребительского свойства золота, которое способствовало бы его эволюционному выделению из всех остальных товарных продуктов в качестве денег. Более того, он прямо указывал, что «всеобщая... форма стоимости... может принадлежать любому товару» [6, с. 79]. К. Маркс в своей теории раскрывал эволюцию форм стоимости (прстой или случайной, полной или развернутой, всеобщей и собственно денежной), но ничего не говорил об эволюционном выдвигании тех продуктов, которые стали деньгами на первых этапах развития рыночных отношений.

В противном случае монеты, в которых масштаб денежной единицы был нарушен, считались фальсифицированными и не могли использоваться в расчетах при совершении рыночных сделок. За соблюдением неизменности масштаба денежной единицы ревностно следили сами рядовые участники рыночных отношений. И они никогда не относились с пониманием к попыткам государя-государства произвольно понижать этот масштаб.

Понятие «масштаб», выраженное масштабной единицей, обычно используется в географических картах для измерения расстояния на местности. В отличие от него денежная единица номинала монет-денег выражала вес золота (серебра, меди), соответствующий качеству металла, из которого она изготовлена. Монеты были разного номинала-веса (крупные, средние, мелкие), но у них всегда был один и тот же масштаб. С появлением у монет номинала цены товаров стали выражаться уже не в количестве золота (серебра, меди), содержащегося в монетах, а в числе денежных единиц, обозначенном на них. Цены товаров стали проявлением «внешней потребности» [14, с. 405] производителей-продавцов в деньгах, но они никогда не выражали «меновую стоимость товаров, содержащую в себе затраты абстрактного труда» [6, с. 44.].

Появление у монет-денег номинала, их дифференциация на количественную и качественную определенности, скрепленные установленным масштабом денежной единицы, составляет *исходный аспект сущности денег*, который возник в рамках монетной денежной системы, существовавшей в период ограниченного характера рыночных отношений.

РАЗВИТИЕ ИСХОДНОГО АСПЕКТА СУЩНОСТИ ДЕНЕГ В ПЕРИОД ВСЕОБЩЕГО ХАРАКТЕРА РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Монетная денежная система в истории рыночных отношений европейских стран имела самый продолжительный период и возникла задолго до нового летоисчисления и постепенно стала трансформироваться в эпоху Ренессанса, которая ознаменовалась в духовной сфере возрождением язычества, забвением христианства; в политической сфере — десакрализацией государственной власти, упразднением института монарха или же его низведением до выполнения

декоративных функций в политической системе, а в экономической сфере — становлением всеобщего характера рыночных отношений.

Вовлечение всех слоев общества в систему рыночных отношений потребовало решения ряда насущных проблем, в частности:

1) увеличения добычи золота для производства монет;

2) обеспечения сравнительно надежного перемещения монет и слитков драгоценных металлов по рыночному пространству;

3) гарантирования относительно надежной сохранности монет и слитков в период между совершением рыночных сделок.

Первую проблему пытались решить европейские алхимики, которым, как известно, не сопутствовал успех. Но удалось это сделать европейским монархам посредством колонизации других народов, завоевания новых земель, где имелись запасы золота в изрядных объемах. Решение второй и третьей проблем оказалось под силу странствующим торговцам и ремесленникам, которые не имели в то время своего государства и потому были рассеяны по европейским странам. Многие из них были золотых дел мастерами и обладали навыками объективного определения качества драгоценных металлов и их веса. Принимая на ответственное хранение монеты, слитки драгоценных металлов, они выдавали долговые расписки (простые векселя), которые стали использоваться в рыночных расчетах сначала вместе с монетами, а затем вместо монет, что привело к концентрации монет-денег в сравнительно небольшом количестве семей, традиционно занимавшихся ювелирным ремеслом, часть которых превратилась по истечению довольно продолжительного времени в банкиров (от слова *banco* — стол, прилавок), занимавшихся перечислением монет-денег со счетов одних лиц на счета других лиц.

Обычно банки позиционируются как посредники между вкладчиками, размещающими в них свои денежные средства, и заемщиками, кому они предоставляют эти средства в кредит от своего имени. Между тем изначально банки как социальные институты выступали *посредниками* между составляющими денег — их количественной и качественной определенностями. Скапливая в своих хранилищах монеты, а затем просто монетарное золото, они эмитировали переводные векселя, которые позднее превратились в банкноты. Банкнота

как долговое обязательство конкретного эмитента представляет собой документ, на котором указано то или иное число денежных единиц. Переводные векселя превратились в банкноты тогда, когда их эмитенты признали декларированный в той или иной стране масштаб денежной единицы, а государство стало принимать налоги в этих банкнотах. Число денежных единиц, обозначенное на какой-либо банкноте, помноженное на существующий в стране масштаб денежной единицы, показывало объем долгового обязательства эмитента, выраженный в конкретном количестве монетарного золота. Получается, что банки как социальные институты изначально служили связующим звеном между составляющими денег — их количественной и качественной определенностями. Число денежных единиц, обозначенное на всей совокупности эмитированных банкнот, показывало объем монетарного золота, который должен быть в наличии у конкретного банка. Банки выступали в таком позиционировании своеобразными *совокупными функционирующими монетами* рынка. Как социальные институты они разделяли и вместе с тем соединяли собой в рыночном пространстве количественную и качественную определенности денег. При этом, конкурируя между собой, они при всяком удобном случае стремились преподнести себя как наиболее надежных и добросовестных контрагентов рыночных отношений, готовых при первом же требовании конвертировать банкноты на соответствующее количество золота.

Денежная система, в которой качественной определенностью денег выступало монетарное золото, хранящееся в банках в стандартных слитках, называлась золотостандартной денежной системой. Однако более уместным было бы ее называть «доверительной», так как пользователи банкнот практически не имели возможности осуществлять контроль за эмиссией коммерческих банков. Им оставалось принимать на веру заверения банкиров относительно честного поддержания в неизменности принятого в стране масштаба национальной денежной единицы. Отсутствие контроля над эмиссионной деятельностью банков приводило к злоупотреблению этим доверием. Банки стали осуществлять эмиссию числа денежных единиц, обозначенного на банкнотах, в размере, превышающем пополнение их запасов монетарным золотом. И тем самым они подвергали себя риску банкротства в случае предъявления к ним

требований со стороны обладателей банкнот по их обмену на соответствующее им количество золота. Стремление банков к устранению этого риска привело к образованию института центрального банка, которому банки передали свои запасы монетарного золота и соответственно делегировали ему эмиссионную функцию. Осуществление такой передачи означало, что связующим звеном между составляющими денег стал выступать центральный банк (далее — ЦБ), который превратился, по сути, в функционирующую монету национального рынка. Что же касается коммерческих банков, то они трансформировались из совокупных функционирующих монет рынка в функционирующие *дензнаки*, составляющие периферию ЦБ, от которого они получали лицензию на осуществление своей деятельности. Денежная система по-прежнему оставалась золотостандартной. Только теперь концентрация монетарного золота достигла своего предела. Когда-то монеты были так или иначе рассредоточены по рыночному пространству; затем золото было сконцентрировано в нескольких крупных банках той или иной страны; наконец, оно оказалось в одном месте — в хранилище ЦБ. Соответственно банкноты уже единого национального образца стали обязательством не коммерческих банков, а ЦБ, который был обязан поддерживать в неизменности масштаб национальной денежной единицы.

Скорее всего, в начале своего функционирования ЦБ разных стран сравнительно добросовестно выполняли требование закона денежного обращения в плане поддержания в неизменности величины масштаба денежной единицы. Однако по истечении некоторого времени они осознали ту же реальность, с которой ранее столкнулись коммерческие банки, занимавшиеся эмиссией своих банкнот. Размер производства числа денежных единиц на производимых ЦБ банкнотах стал заметно опережать пополнение запасов монетарного золота в их хранилищах по двум основным причинам.

Первая причина состояла в том, что для обеспечения бесперебойного характера постоянно растущего объема рыночного оборота объективно требовалось все возрастающее производство числа денежных единиц, обозначенного на банкнотах, которое должно было сопровождаться пополнением качественной определенности денег, т. е.

увеличением запасов монетарного золота в хранилищах ЦБ. Между тем запасы золота в природе ограничены; более того, они составляют значительно меньший удельный вес по сравнению со всеми другими природными ресурсами, которые также добываются и используются при производстве товаров. Это объективно обуславливало опережающий рост суммы цен производимых товаров по отношению к числу денежных единиц, обозначаемых на банкнотах. Для обеспечения же бесперебойности рыночного процесса ЦБ были вынуждены производить дополнительную эмиссию денежных средств вне зависимости от пополнения запасов золота, что не могло не вести к фактическому снижению масштаба денежных единиц.

Вторая причина заключалась в выгоды необоснованной эмиссии. Изготовление типографской продукции в виде банкнот намного менее затратно, чем добыча золота.

Опережающий рост количественной определенности денег по сравнению с их качественной определенностью, конечно, представлял угрозу для ЦБ, которые отчетливо осознавали риск невозможности выполнения своих обязательств по конвертации банкнот в случае обращения их держателей.

Одним из наиболее известных случаев в международной практике рыночных отношений реализации такого риска было требование Франции в середине 1960-х гг. к ФРС США по конвертации 750 млн долл. Выполнив свое обязательство, монетарный орган США был вынужден неоднократно сокращать масштаб доллара, т. е. проводить его девальвацию и одновременно повышать цену унции золота. Однако эти меры имели только косметический характер и не могли предотвратить банкротство ФРС США в случае следующего подобного обращения со стороны ЦБ какой-нибудь другой страны, учитывая то, что в ЦБ многих стран после решений Бреттон-Вудской конференции, проходившей с 1 по 22 июля 1944 г. с целью разработки правил международных валютных и финансовых отношений после окончания Второй мировой войны, скопились большие запасы американских долларов. Для устранения такого риска ФРС США инициировала созыв и проведение следующей валютно-денежной конференции, которая состоялась в 1976 г. в Кингстоне на Ямайке.

Главное решение, которое было принято участниками этой конференции, заключалось в том, что они единогласно отказались от выполнения своих долговых обязательств по конвертации эмитированных ими ценных бумаг, т.е. банкнот, на золото. Золото решением данной конференции было выведено из состава элементов денежной системы и перестало позиционироваться качественной определенностью денег.

Вследствие принятия такого решения ЦБ оказывались в несколько неопределенном положении в плане понимания того, что же вместо золота должно выступать качественной определенностью денег в новых условиях. Этот вопрос имел для них не просто отвлеченно-теоретический, а вполне конкретно-практический характер, ибо от содержания ответа на него зависело удержание ими за собой эмиссионной функции. Так, если бы ответ на данный вопрос заключался в том, что монетарное золото ничем не может быть заменено, то это означало бы отчуждение у ЦБ эмиссионной функции. Понятно, что такой ответ их категорически не устраивал. Их мог бы устроить только ответ, который бы однозначно обосновывал закрепление за ними эмиссионной функции до «скончания века». И такой услужливый ответ последовал от чикагской школы монетаризма в лице ее основателя М. Фридмена. Суть его ответа сводилась к тому, что вместо золота качественной определенностью денег теперь следует считать безупречную репутацию ЦБ. Это был более чем удовлетворительный ответ на краеугольный вопрос ЦБ в условиях принципиально новой денежной системы. Кстати, нельзя исключить того, что в знак своей благодарности ЦБ — участники Ямайской конференции приложили руку к присуждению основателю названной теории Нобелевской премии по экономике именно в год проведения этой конференции. Присуждение данной премии и соответственно поднятие на щит в экономической науке теории монетаризма, казалось бы, обосновало правильность решений, принятых на Ямайской конференции. Однако поскольку после отказа ЦБ от выполнения своих долговых обязательств такое позиционирование качественной определенности денег, как их безупречная репутация надежных контрагентов рыночных отношений, не было соответствующим образом доказанным и вызывало вопросы, постольку по умолчанию было принято считать, что «довеском»

к этому элементу качественной определенности денег будут выступать еще активы ЦБ.

ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ОТНОСИТЕЛЬНО КАЧЕСТВЕННОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ДЕНЕГ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Российская школа экономической мысли относительно такого понимания качественной определенности денег в условиях современной денежной системы имеет отличное от западных экономических школ мнение. В частности, она задается вопросом: какой объем безупречной репутации ЦБ в условиях новой денежной системы представлен одной национальной денежной единицей? Очевидно, что ответа на этот вопрос у школы монетаризма нет, ибо репутация ЦБ есть нечто такое, что невозможно чем-либо измерить и при этом еще сопоставить с числом денежных единиц, указанным на всей совокупности банкнот. Поэтому такой первый элемент качественной определенности денег, как безупречная репутация ЦБ, является не совсем безупречным, а точнее сказать, нонсенсом. Поэтому такие понятия, как «фидуциарная денежная система», «фиатные деньги», являются искусственно надуманными. Однако их многократное повторение в современной экономической литературе способствует их принятию как некоторой данности, не подлежащей критическому осмыслению. Из принятия неолиберальной школой экономической мысли такой данности практически следует, что ЦБ в современных условиях выступает своеобразным рыночным демиургом, бесконечно растущим сам из себя посредством эмиссии денежных средств, размер которой ориентируется на его бесконечно растущую безупречную репутацию. Понятно, что такое положение дел, дающее ЦБ возможность бесконтрольного получения сеньоража, обуславливает не только его упорное нежелание критически осмысливать указанный составной элемент качественной определенности денег, но и решительное нежелание допускать такое осмысление в научно-экономическом пространстве.

Другой частью качественной определенности денег с точки зрения школы монетаризма выступают активы ЦБ. Среди них особое место занимает золото, которое, с одной стороны, декларативно

выведено из состава элементов денежной системы решениями названной конференции и тем самым оно как бы перестало позиционироваться качественной определенностью денег, а с другой стороны, оно практически осталось в составе этих элементов. Только раньше оно однозначно позиционировалось именно качественной определенностью денег, а теперь оно перешло в разряд активов ЦБ. Отличие прежнего статуса монетарного золота от его нынешнего положения состоит в том, что если раньше оно находилось в ЦБ на ответственном хранении и служило средством выполнения его долговых обязательств, то теперь оно является собственностью ЦБ и не служит средством выполнения им своих обязательств. В настоящее время соотношение между национальной денежной единицей и весом золота «не устанавливается». Именно так зафиксировано в ст. 28 Федерального закона о Центральном банке Российской Федерации от 10.07.2002 № 86-ФЗ. С одной стороны, в ст. 30 этого Закона говорится о том, что банкноты Банка России «являются его безусловными обязательствами и обеспечиваются всеми его активами», а с другой стороны, умалчивается о том, в каком именно объеме это обязательство должно выполняться. Более того, в данном Законе есть одно юридическое упущение, следующее из позиционирования банкнот Банка России как «обязательства». Оно состоит в том, что эти банкноты не считаются требованием к Банку России, в частности по конвертации рублей на золото или же на какие-либо иные его активы. Отсутствие такой статьи делает практически бессодержательным статью о банкнотах как долговых обязательствах Банка России. Отвлекаясь от анализа денежных систем других стран, можно предположить, что в их законодательных актах и нормативных документах присутствует такая же коллизия.

Если в отношении золота ЦБ разных стран находятся примерно в одинаковом положении, то в отношении другой части их активов они разнятся. Их отличия обуславливаются статусом национальных денежных средств. В странах, в которых эти средства имеют статус валютных средств, т.е. используются в расчетах в сфере внешних рыночных отношений, как, например, в США, активы ЦБ составляют преимущественно государственные долговые обязательства. В тех же странах, в которых национальные денежные сред-

ства не имеют названного статуса, как, например, в России, основную часть активов ЦБ составляют иностранные валютные средства. Таким образом, государственные долговые обязательства и иностранные валютные средства составляют другую часть качественной определенности денег в современных условиях, по мнению неолиберальной школы экономической мысли, в частности школы монетаризма. Но какой именно объем этих активов представлен одной национальной денежной единицей? Ответа на этот вопрос у названной западной школы также нет в силу того, что масштаб денежной единицы теперь отсутствует. Соответственно определить, какой именно объем тех или иных финансовых инструментов ЦБ приходится на одну национальную денежную единицу, также невозможно. Привязка числа денежных единиц, обозначенного на всей совокупности банкнот, к объему всех активов ЦБ отсутствует. Эти две величины существуют и возрастают на самом деле вне связи между собой. Поэтому указание в нормативном акте о ЦБ в той или иной стране о том, что банкноты являются его безусловным обязательством, является по своей сути бессодержательной декларацией.

Качественной определенностью денег с самого начала дифференциации монет-денег на две составляющие были продукты, непосредственно удовлетворявшие ту или иную внутреннюю потребность человека. Несмотря на явное отличие современного человека от человека прежних времен, у него не появилось *внутренней* (естественной) потребности в обладании государственным долгом или же иностранными валютными средствами, представляющими такой долг. Это означает, что положение неолиберальной школы экономической мысли о том, что качественной определенностью денег в современных условиях выступают названные составные элементы активов ЦБ, является либо добросовестным научным заблуждением, либо, скорее всего, сознательным сокрытием действительной сути вещей, имеющей своей целью оправдать имманентный характер эмиссионной функции ЦБ в современных условиях.

Отвлекаясь от решения этой занимательной дилеммы, российская школа экономической мысли задается следующим вопросом: безупречную репутацию ЦБ, а также его активы представляет только то число денежных единиц, которое обозначено на банкнотах и монете или же то число

денежных единиц, которое обозначено на всей совокупности современных законных носителей? Другими словами, ту качественную определенность денег, которую выставляет на щит неолиберальная школа экономической мысли, представляют только наличные денежные средства или же безналичные средства тоже? Являются ли безналичные денежные средства безусловным обязательством ЦБ? Удовлетворительных ответов на эти вопросы у неолиберальной школы нет. Его нет и в Федеральном законе о Центральном банке Российской Федерации, что означает, что Банк России безналичные денежные средства не признает своим безусловным долговым обязательством. Соответственно пополнение своих активов он не ориентирует на возрастание величины безналичных денежных средств, хотя по внешней логике вещей он должен был бы это делать, так как конвертация безналичных денежных средств на наличные может происходить беспрепятственно. Безналичные денежные средства составляют в современных условиях значительно больший удельный вес во всей совокупности денежных средств. И эта большая часть остается как бы подвешенной в неясности в плане своей «обеспеченности», т.е. качественной определенности.

Если ЦБ не считает эти средства своим безусловным обязательством и не имеет в виду их «поддержание» своими активами, то что в таком случае представляют эти средства и как они появляются на рынке?

Однозначно следует отметить, что если ЦБ будет осуществлять эмиссию денежных средств в безналичной форме, то он тем самым будет совершать экономическое преступление, т.е. он будет преступать экономический закон, который говорит о том, что эмиссия денежных средств просто из «воздуха» производиться не должна. Эмиссия должна происходить вследствие возрастания качественной определенности денег. Что же составляет ее у безналичных денежных средств? Ответ очень прост: возрастание вещественного содержания рынка. Вновь созданные деньги в современных условиях являют собой часть прибыли, получаемой участниками экономических отношений. Именно эти лица стоят у истока дополнительного объема денег посредством взаимодействия между собой. Они производят-продают товары и покупают-потребляют

товарные продукты. Акт продажи товаров — купли товарных продуктов представляет собой свидетельство не только возмещения потребленных средств, но и получения прибыли, создания новых денег. Эти деньги появляются на «рыночный свет» в безналичной форме. И тем самым они увеличивают удельный вес безналичных денежных средств, нарушая сложившуюся на рынке пропорцию между формами денежных средств. ЦБ призван восстанавливать постоянно нарушаемую пропорцию, обеспечивая тем самым реализацию одного из условий равновесного развития рынка. В таких условиях ЦБ должен позиционироваться как орган, который *производит* наличные денежные средства, а не как орган, который осуществляет их *эмиссию* под возросший объем своей репутации. Понятно, что ЦБ ни одной страны мира не согласится с таким пониманием положения дел и до последней возможности будет проявлять свое абсолютное непонимание сути новой денежной системы, имеющей рыночный характер. Вновь созданное число денежных единиц в виде части прибыли участников экономических отношений представляет не активы ЦБ, а, с одной стороны, произведенные и уже реализованные товарные продукты, а с другой стороны, товары, которые предлагаются к продаже в текущий момент. Таким образом, как вновь созданное число денежных единиц, так и все это число, в целом является представителем всего вещественного содержания рынка во всем многообразии его форм. Именно это содержание составляет качественную определенность денег в рамках современной денежной системы с позиции российской школы экономической мысли.

ВЫВОДЫ

Доминирование безналичных денежных средств в общем объеме денежных средств, вспомогательный характер наличных денежных средств в условиях повальной цифровизации рыночных отношений указывают на то, что количественной определенностью денег в современных условиях следует считать число денежных единиц, обозначенное не только на дензнаках, но на всей совокупности законных носителей. При этом их качественной определенностью является вещественное содержание рынка во всем многообразии его форм. В этом состоит суть взгляда российской школы экономической мыс-

ли на исходный аспект сущности денег в современных условиях. В рамках такого взгляда должно быть очевидным, что российские рубли представляют собой вещественное содержание российского рынка, а не иностранные валютные средства, являющиеся в свою очередь представителями долговых обязательств своих государств, находящихся на грани дефолта.

ДОПОЛНЕНИЕ К ВЫВОДАМ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСХОДНОГО АСПЕКТА СУЩНОСТИ ДЕНЕГ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

Одна из особенностей рассматриваемого аспекта сущности денег заключается в том, что в отсутствии масштаба национальной денежной единицы невозможно определить, какой именно объем вещественного содержания рынка приходится на одну национальную денежную единицу. Можно лишь в общем плане сказать, что одна денежная единица есть как бы кратко

уменьшенный рынок; но не более того, так как редуцировать рынок до простой денежной единицы невозможно. Другая особенность данного аспекта сущности денег состоит в том, что звеньями, соединяющими количественную и качественную определенности денег в современных условиях, выступают различные носители числа денежных единиц. Таковыми теперь являются не только дензнаки, но и банковские счета, а значит, банковская система в целом. Она в современных условиях должна позиционироваться как воплощение принципа единства, целостности, которым руководствуется российская школа экономической мысли в рассмотрении рынка, различных рыночных феноменов и, в частности, денег. Банковская система теперь однозначно должна позиционироваться как часть денежной системы страны, в то время как сейчас она составляет практически часть национальной экономики [15]. Впрочем, этот вопрос устройства денежно-банковской системы может быть предметом другой научной статьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — Москва: Эксмо, 2007. — 960 с. — ISBN 978-5-699-18389-0.
2. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. — Москва: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. — 304 с. — ISBN 5-7020-0445-0.
3. Фридмен М. Если бы деньги заговорили... — 2-е изд. — Москва: Дело, 2002. — 160 с. — ISBN 5-7749-0135-1.
4. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. В 2 т.: Т. 1. — Москва: Республика, 1995. — 400 с. — ISBN 5-250-01486-0.
5. Кропин Ю.А. К вопросу об «обоснованности» марксистской теории трудовой стоимости // Финансы: теория и практика. — 2017. — № 4. — С. 22-29. — ISSN 2587-5671. — DOI 10.26794/2587-5671-2017-21-4-22-29
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. — Т. 1. — Кн. 1. Процесс производства капитала. — Москва: Политиздат, 1978. — 907 с.
7. Аристотель. Этика. — Москва: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 492 с. — ISBN 5-17-011626-8.
8. Самуэльсон П.Э., Нордхаус В.Д. Экономика. — Москва: «БИНОМ», «Лаборатория Базовых Знаний», 1997. — 800 с. — ISBN 0-07-054981-8.
9. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. — Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — 664 с. — ISBN 5-86004-150-0.
10. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. — Т. 1. Наука логики. — Москва: Мысль, 1974. — 452 с.
11. Энгельс Ф. Диалектика природы. — Москва: Политиздат, 1982. — 359 с.
12. Остальский А. Краткая история денег. — Санкт-Петербург: ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. — 255 с. — ISBN 978-5-367-03594-0.
13. Финансовые рынки в условиях цифровизации: монография / кол. авторов; под ред. К.В. Криничанского. — Москва: РУСАЙНС, 2020. — 372 с. — ISBN 978-5-4365-4643-8.
14. Гегель Г.В.Ф. Философия права. — Москва: Мысль, 1990. — 524 с.

15. Кропин Ю.А. Трансформация сущности банка и банковской системы в контексте генезиса сущности денег и денежной системы // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — № 1. — С. 64–69. — ISSN 1999–849X. — DOI: 10.26794/1999–849X-2018–11–1–64–69

REFERENCES

1. Smith A. The Wealth of Nations. Moscow: Eksmo; 2007. 960 p. (In Russ.).
2. Hayek F. The fatal conceit: the errors of socialism. Moscow: Novosty, Catallaxy; 1992. 304 p. (In Russ.).
3. Friedman M. If money started talking. Moscow: Delo; 2002. 160 p. (In Russ.).
4. Brue S.L., McConnell C.R. Economics. Principles, Problems, and Policies. Moscow: Republic; 1995. 400 p. (In Russ.).
5. Kropin Ya. A. To the question of the «validity» of the Marxist theory of labor value. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: theory and practice*. 2017;(4):22–29. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2017–21–4–22–29
6. Marx K. Capital. A Critique of Political Economy. Capital. Vol. I. Moscow: Politizdat; 1978. 907 p. (In Russ.).
7. Aristotle. Nicomachean Ethics. Moscow: AST; 2002. 492 p. (In Russ.).
8. Samuelson P.A., Nordhaus W.D. Economics. Moscow: Binom, Laboratoriya Bazovih Znaniy; 1997. 800 p. (In Russ.).
9. Tugan-Baranovskii M. I. Fundamentals of political economy. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 1998. 664 p. (In Russ.).
10. Hegel G. W.F. Encyclopedia of the philosophical sciences. 1. Science of logic. Moscow: Misl'; 1974. 452 p. (In Russ.).
11. Engels F. Dialectics of Nature. Moscow: Politizdat; 1982. 359 p. (In Russ.).
12. Ostal'skii A. A brief history of money. Saint Petersburg: Amfora; 2015. 255 p. (In Russ.).
13. Krinichanskii K. V. Financial markets in terms of digitalization. Monograph. Moscow: RUSAINS; 2020. 372 p. (In Russ.).
14. Hegel G. W.F. Elements of the philosophy of right. Moscow: Misl'; 1990. 524 p. (In Russ.).
15. Kropin Yu. A. Transformation of the essence of the bank and the banking system in the context of the genesis of the essence of money and the monetary system. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economy, taxes, law*. 2018; (1):64–69. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2018–11–1–64–69

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрий Анатольевич Кропин — доктор экономических наук, профессор Департамента банковского дела и финансовых рынков, Финансовый университет, Москва, Россия
YAKropin@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yuriy A. Kropin — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Banking and Financial Markets, Financial University, Moscow, Russia
YAKropin@fa.ru

Статья поступила 03.05.2020; принята к публикации 28.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 03.05.2020; accepted for publication 28.08.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.